

НАШИ ГОСТИ

ГНЕВ И ИРОНИЯ

Ведущий государственный театр Испании Национальный драматический центр — Театр им. Марии Герреро привез к нам «Светочей богемы» Рамона дель Валье-Инклана. Опубликованный в 1920 году, этот трагифарс стал одним из высших достижений испанской драматургии нынешнего столетия. В шедевре выдающегося писателя будоражаще парадоксально соединились бичующая сатира и сострадание к изгоям, лиризм и ярость обличений. Предстал в вызывающей наготе смелый срез социальной структуры: голь перекатная и артистократы, проститутки и поэты, анархисты и стражи порядка.

Перед слепым Максом Эстрельей, царем поэтов, живущим нищенской жизнью, с лихорадочной стремительностью проходит панорама ночного Мадрида — от притонов до министерских кабинетов, от роскошных кафе до тюрем-

ных камер. Слепой поэт оказывается прозорливым духовно — его обжигает нестерпимой болью царящая кругом несправедливость, смертельно ранит столкновение с наглым насилием, тупой чиновничьей властью. Валье-Инклан использует приемы, схожие с «коротким монтажом» в кинематографии: запечатлевает хаотические на первый взгляд фрагменты действительности в состоянии социального распада, действительности, погребенной под своими обломками старого витию.

Вместе с известным художником Фабиа Пуигсервером режиссер Луис Паскуаль выстраивает на сцене пугающий и холодный мир сумерек — действующие лица блуждают

в нем при тревожных лунных отблесках или неверном пламени свечей. Мрачные высокие здания замыкают сцену по бокам, серые панели поднимаются и опускаются параллельно линии рампы, образуя коридоры безысходного лабиринта; на фоне этих стен фигуры в сгущающихся потемках превращаются в темные силуэты. Начинаются хоровод теней, пляска смерти. При почти монохромном решении спектакля красный платок на шее Арестанта (Н. Мартинес) выделяется, как кровавое пятно. Это вещий знак — вскоре Арестанта убьют, инсценировав попытку к бегству, и Макс Эстрелья будет плакать от возмущения и бессилия.

Театр стремится, чтобы со-

бытия в спектакле предстали фантомами дурного сна, кошмарным наваждением — они как бы проецируются на сознание слепого поэта. Тому служит графически четкий и экспрессивный рисунок многих мизансцен — порой трудно поверить, что перед нами люди из плоти и крови, а не гротескные наваждения.

Образы спектакля не решены в единой манере. С безупречной сдержанностью обрисовывает благородный облик Макса Эстрельи, раскрывает горечь его раздумий один из крупнейших мастеров современной испанской сцены Хосе Мария Родеро — актер, который с огромным успехом сыграл в прошлом толстовского Холстомера. Родеро — артист

удивительно органичный, совершенно не приемлющий фальши — смягчает душераздирающую остроту охватывших героя переживаний, чтобы неавязчиво передать их полнейшую искренность. Ряд же других исполнителей лишь обозначает своих персонажей. Спектакль при его внешней выразительности порой теряет внутренний накал, присущий яростной и дерзкой драме Валье-Инклана.

Мы благодарны Национальному драматическому центру, разыгравшему ироничный и злободневный сценический карнавал. Состоялась первая встреча советского зрителя с одним из крупнейших драматургов нашего века, свидетельствующая, что испанский театр ставит перед собой трудные и увлекательные художественные задачи. Пожелаем ему дальнейших успехов.

В. СИЛЮНАС.